

Сергей Бобров

ЯКОБЫ ДЕНЬГИ

Деньги в творчестве Михаила Булгакова

«На свете есть две силы — доллар и литература»
МАРКИЗОВ («Адам и Ева»)

Деньги настоящие и фальшивые. Деньги — источник страсти и азарта. Деньги — гарантия свободы. Символ благополучия и мираж. К деньгам Булгаков относился несерьёзно. Но серьёзно предсказал монетаризм.

Шиберы-валютчики, убежденные фальшивомонетчики, карточные аферисты и алтынники, бубновые валеты и проходимцы других мастей... Вся эта пёстрая публика прочно утвердилась на страницах булгаковских произведений.

И неотступно, рядом и всегда — ДЕНЬГИ, таящие в себе иллюзию обладания властью над людьми. ДЕНЬГИ — это богатство, слава, «из чего бы они не были: из бронзы, кожи, или бумаги».

Разнообразные «катеринки» и «лебидь-юрчики», с зеленоватым игральным крапом; похожие на яичницу с луком гривны и карбованцы; золотые десятки — звонкие и «одесской работы»; целковые и скомканые «лимоны» совзнаков; хрустящие червонцы — «черви», замасленные и свежеотпечатанные; ...векселя, «коими следовало — бы подтереться»... А рядом, и с настоящими и фальшивыми «бумажками», полным аншлагом: — валюта, Валюта, ВА-ЛЮТА-А!! Купюры иностранные, незаконные пришельцы, теснящие туземные банкноты. Валюта, как самостоятельный товар, как предмет наживы, сильнейшей из страстей человеческих.

В «Белой Гвардии» деньги выступают в парадоксальном амплуа: — «СЛЕПЦЫ — лирники тянут за душу отчаянной песней...», а рядом: «ГЛЯДЕЛИ из картузов трепаные гривны».

Деньги совершили выкуп тела (полковника Най Турса в «Белой Гвардии») и попытку выкупа свободы ТЕЛОМ: — «Я хотела взять у вас деньги на границу и удрать...» — возвращает пощечину Гусю Алла Вадимовна («Зойкина квартира»).

Говоря циничным языком марксизма: «товар — деньги; деньги — товар!»

И вполне честно и убежденно звучит в «Грядущих перспективах»: «За все нужно платить! За безумство переворотов, за **самостийных изменников**, за Брест, за безумное пользование станком для печатания денег... за всё!»

Вслед за вихрем «этикеточных» купюр пропадает четкость размежевания «своих — настоящих» и «чужих — поддельных». Экспертом выступает ситуация: «— Фальшувания, фальшувания, — вот горе то! — А?» — причитает Василиса, одновременно бережно откладывая в сторону забракованные, «ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ извозчику и на базар...» Та же ситуация, только наизнанку (по законам фарса) показана в Первом акте «Зойкиной квартиры»:

ЗОЯ: — Кстати, дали мне сегодня у Мюра пятичервонную БУМАЖКУ, а она фальшивая. Такие подлецы! Посмотрите, пожалуйста. Ведь вы спец по червонцам?»

АЛЛИЛУЙЯ: — Ах, язык! /.../ (смотрит БУМАЖКУ на свет). Хорошая бумажка.

ЗОЯ: — Фальшивая! Фальшивая! не спорьте с дамой, возьмите эту гадость и **выбросьте!**

АЛЛИЛУЙЯ: — Ладно, **выбросим** (бросает бумажку в портфель) А может и Манюшку удастся отстоять...»

Между тем, приличия соблюдены и взятка состоялась. Следует заметить мимоходом, что «бумажный червонец» —

был сродни способу добычи «железа из деревянных опилок» в фельетоне «Похождения Чичикова». Но, первой на ассигнациях обожглась старушка Европа в XVIII-м веке:

«И с золотом чеканным наравне
Бумага укрепляется в цене».

Булгаков точно определил *абстракцию осязательного обеспечения червонца*: «резаная бумага!» И демонстрируя фокус с червонцами в театре Варьете, являет убийственную переключку декларации номинала («Банковский билет подлежит размену на ЗОЛОТО. Начало размена **устанавливается особым правительственным актом**») с чертовщиной из Второй части «Фауста»:

«Бумаге служат в качестве заклада
У нас в земле таящиеся клады.
Едва их только извлекают на свет,
Оплачен будет золотом билет».

«Банковские билеты обеспечиваются в полном размере ЗОЛОТОМ, драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой и прочими активами Госбанка» — это червонец.

В «Фаусте» достоинство новых денег восхваляет Мефистофель. «волшебные листки» раздаривает Император, их ловит Шут с восклицанием: «Вот **падают** еще!» Напрашивается сравнение с безобразием в Варьете: «...денежный дождь, все густея, достиг кресел, и зрители стали бумажки ловить». — Латентная цитата из «Фауста». История учит Человечество: «Кредитки не стоят ничего». Вера не бывает важнее Истины.

Для булгаковских героев деньги всегда экстремальны и inferнальны. В них и спасение и гибель. Они мгновенно перелицовывают судьбу. Освобождают или делают рабами. Убивают финским ножом («Таракан», «Зойкина квартира»). Обрекают на скитания, вслед Агасферу, или рушат крепкую карьеру управдома.

Судьба мастера перевернулась (сальто — сальдо-перевертыш), в результате выигрыша **ста тысяч**, упавших сверху. Стоит признать; сто тысяч, без повода, никому на голову не свалятся.

Вот часть той силы, что толкает и раскручивает действие у Булгакова. Да так, что читатель и зритель начинает сочувствовать и переживать события, словно бы он и сам очутился внутри действия.

Пора вспомнить о месте и роли Денег в жизни и творчестве Писателя Среди воспоминателей нет общего взгляда на сей счет. Зато, есть крайности в оценке. Вот Леонид Карум: «<Булгаков> мог в один миг выбросить только что полученные деньги на ветер». За ним, слово-в-слово, Т. Н. Лаппа, жена Писателя: «...У нас так получалось, что никогда денег ни копейки не было что-то отметить...» и еще, в Её описании:

«Будит в час ночи: — Идем в казино, у меня чувство, что я должен сейчас выиграть!

— Да, куда же идти, я хочу спать. — Нет, пойдем, пойдём!.. Все проигрывали, разумеется. Наутро я все собирала что было в доме, несла на Смоленский рынок».

Писатель Вересаев краток в оценке в 1925 году: — «...живет почти нищенски...» А Юрий Слезкин, в своем дневнике 1932 года вспоминал: «Был Булгаков стеснен в средствах, сутулился, поднимал глаза к небу, воздевал руки, говорил: «Когда все это кончится!» (21.02.32)

Отдельного внимания заслуживает рассказ В.Катаева «Зимой», в котором верно схвачена булгаковская манера, интонации и **кредо**. Некий Иван Иванович вещает:

— «...да, ещё одна вещь» — он совсем забыл: — «Золото, золото. Золотые десятки. Это самое главное. — О, я преклоняюсь перед золотом!» ... «Купите себе золотых **десяток**...» «...Доллар, — это, батенька, всё. Я преклоняюсь перед долларом. Я влюблен в доллар. Пять долларов — один фунт стерлингов. Вот. Это единица человеческого права на существование». И тут же, спустя абзац:

«Вы знаете, как живут в Америке? — Отель в миллион этажей. Номера. В каждом номере — три крана. В одном — кипяток, в другом — ледяная, в третьем — комнатная. /.../ Затем вас поднимают по лифту, передают на подземную станцию метро и через пять минут вас поднимают на другом конце города, за пятьдесят верст, на 40-й этаж. Так, что вы никакого Нью-Йорка не видите, вот. Это, батенька, называется доллар. О, я преклоняюсь перед ним». (Катаев, 1923 г.)

Зимой 1923 года Катаев получает от Булгакова прозвище Валюнчик (валютчик). План стремительного обогащения пришелся молодому В. П. по вкусу. Он с головой погрузился в стихию махинаций и авантюрных авансов, забыв про любовь. И было Петровичу совсем невдомек, что на нем апробировался монолог Парамона Ильича Корзухина, из будущей пьесы «Бег».

КОРЗУХИН (начинает балладу о долларе и вдохновляется):

— «Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду: вон там, далеко, на кровле горит золотой луч (Нотр Дам). Он и там. Химера его стережет (указывает таинственно на пол).

Неясное ощущение, не шум, не звук, а как бы дыхание вспученной земли: Там стрелой летят поезда, в них доллар!

Теперь /.../, вообразите /.../ Мгла и вода — океан! Он страшен и он сожрет! Но и в океане, с сипением топок /.../ идет чудовище! ... / оно несёт свое золотое дитя, свое божественное сердце — доллар! /,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,/

...И, вот, они идут! Идут! Куда? — Где-то обидели доллар! их тысячи, потом миллионы, .../ они бросаются с воем на колючую проволоку! /.../ Потому что где — то оскорбили божественный доллар!.../ Они кричат в честь доллара! он отомщен».

Явная переключка монолога И. И. из рассказа Катаева и Корзухина из «Бега» наводит на мысль о единстве сюжетного пространства романа и пьесы. «БЕГ» — аббревиатура, возникшая из «БЕлой Гвардии».

Недолгий период благополучия, когда пьесы М. А. шли с аншлагом в московских театрах, оборвался в начале 1929.

Запрещение «Бега» было напрямую связано с гибелью в январе генерала Я. Слащева и его жены М. Нечволодовой (чьи черты были отданы походной жене Чарноты, Люське). Пьеса (и спектакль!) могли привлечь внимание и вступить с этим событием в преднамеренный резонанс.

«Все запрещено, я разорен, затравлен» — фраза из письма к Горькому.

В Париж, брату, ещё отчаяннее: «Терплю бедствие... у меня нет ни одной копейки»... «Деньги нужны остро...» «Денежные раны, нанесенные мне за прошлый год, так тяжки, так непоправимы...»

Несомненно то, что Булгаков писал в Париж и на Капри с оглядкой на «черный кабинет» — тотальную перлюстрацию корреспонденции, как внутри страны, так и шедшую за границу.

В ту пору письма сочинялись «двухэтажные»! Когда среди бытовых мелочей и полуднамеков, домашних сплетен, за нарочитыми реминисценциями укрывался важный подтекст, требовавший внимания для решения в стиле шарады или ребуса. А, «Мака был ассом шарады», по меткому замечанию Л. Е. Белозерской.

В русле темы денег, привлекает к себе переписка Булгакова с П. С. Поповым (в интервале 1931—34 гг., когда на смену НЭПу пришла карательная финансовая политика и ТОРГСИН). Внешне ничем не приметные строки, под определенным смысловым углом, обнажают мысль, упрятанную от посторонних глаз.

Вот фрагмент письма П. С. Попова от 24.X.31.:

«Дорогой Михаил Афанасьевич! /.../ как бы мне прочитать эту инсценировку? Ведь она, вероятно отремингтована в ДЕСЯТКАХ экземпляров? А. И. Подсматривая через плечо, заявила, что она написала бы «экземплярах». /.../ В начале ноября А. И. будет в Москве, может быть ей удастся получить у Вас экземплярчик?»

Булгаков отвечает отказом: «Дорогой Павел Сергеевич! /.../ Во первых, все-таки в «**десятках** экземпляров, а не «экземпляр...**ах**» /.../ Но «ов» ли, «ах» ли, нет **ДЕСЯТКОВ!** Мало отпечатал. /.../ Если у Вас худо с финансами, я прошу Вас телеграфировать мне». — (т. е. открытым текстом, без реминисценций).

К теме десяток Попов возвращается в письме, написанном в конце февраля 32 года: «Когда же в Ленинград?» Вы уже подготовлены к нему, и вот почему. /.../ Здесь говорят «поеду на тройке, на пятерке» или «вон девятка идет» — о трамвае. /.../ Так вот, в Москве не ездят на девятках, а **девятки** кстати приходят, чтобы составить третью коронку (А. И. себе только что вставила)...»

Последняя деталь бесспорно указывает на то, что речь идет о золотых монетах царской чеканки. Хранение, а равно и продажа которых объявлялось преступлением. Спустя еще два месяца Павел Сергеевич сообщает: «Вчера ходил около его¹ дома на Б. Морской, дожидался А. И. от **ДАНТИСТА**»

Дантисты скупали золото у населения, составляя конкуренцию узаконенному спекулянту, **ТОРГСИНУ**.

Они же были в числе тех, кого бессрочно держали в так называемых «парилках» — изобретении **ОГПУ**. Рядом томились наследники капиталов, ловкачи и шиберы. Они получали свободу, лишь при условии «добровольной» сдачи ценностей. Изъятие производилось в стиле уголовных понятий: «Отнять и поделить!»

В пестрой компании, с такими же бедолагами, оказался и общий друг Булгакова и Попова, Николай Лямин. Как и Попов, Лямин был потомком владельца суконной мануфактуры.

«Коля» всплывает, время от времени в их переписке. Иносказательно упоминается его арест и освобождение из **ОГПУ**:

«Дорогой Мака! /.../Как Колины нервные окончания? Чувствую, что медицински можно было бы все это обозначить эф-

¹ Речь идет о доме, в котором жил Гоголь в Петербурге.

фектнее, но пусть уж будут окончания. Так вот, протри и **утихомир** их как-нибудь, а то боюсь, что они повлияют скверно на Колино прекраснодушие, а ты сам понимаешь, что без этого прекраснодушия **мы все пропали**». (Послано с оказией 6.03.34.)

Булгаков отвечает в тон письму Попова:

«Дорогой Павел! Твое милое письмо от 6-го получил. Один из Колиных друзей, говоря обо мне всякие пакости, между прочим сообщил, что во мне «нездоровый урбанизм». /.../ У Коли не окончания, а начало (радикулит). Как это по-ученому называется? — во всяком случае ему стало легче. Но зато он стал **несимпатичный** ... Рассказы рассказывает коротенькие и удивительно унылые...» (14.03 34.)

Отзвук (реминисценцию) мы находим в сцене сна Никанора Ивановича. Там действует **симпатичный** Николай Канавкин. В нем без труда угадывается двойник Лямина: «л-ЯМА» — «Канавка» — Канавкин. Это его рассказы про нравы «парилки» — бородатые узники, (— «Давно сидим? — Давно!») промывание мозгов: — «Сдавайте валюту, негодяи!» Психологический пресс, пополам с кормежкой тухлой селедкой (еще Сухово-Кобылиным признанной пыткой). Немногие выдерживали — удивительно унылые впечатления!

Незаметно мы очутились в романе, где автор вдоволь порезвился и потешился над мнимой ликвидностью бумажных купюр Советской **власти**.

Уже в черновиках Романа деньги превращаются, то и дело, в этикетки «Абрау-Дюрсо», троцкистские прокламации, конфетные обертки с эмблемой «Наш ответ Керзону» (с **кукишем** вместо пропеллера на аэроплане). Дрянь, макулатура, фантики и прочий хлам становятся эквивалентом богатства. Призрачна власть скалдырника над сокровищем.

Участь буфетчика Сокова — есть отражение предсмертных мук пушкинского барона из монолога Куролесова. Знать срок своей кончины — и не откупиться, не купить и даже не растратить своё богатство! Есть ли худшая пытка для скряги?

И Пушкин и Булгаков взяли сюжет в книге пророка Даниила: — «МЕНЕ исчислил Бог царствие твоё и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен и найден слишком легким (фальшивым)». (Даниила 5: 26,27).

И, наконец, настала пора для заключительного мотива в этюде «О деньгах и Михаиле Булгакове». Не существует достаточных аргументов в споре о причинах запрета пьесы «Батум». Наши литературные паганы приводят пёструю ленту выхваченных улик, проходя мимо очевидных фактов. Поэтому, минуя их обратимся сразу к седьмой картине «Батума»:

Реджеб: Слушай меня, Сосо. /.../ Все тебя уважают, говорят, модзвари. Мы, абхазцы, бедные, и знаем, что ты хочешь нам помочь. Но мы узнали, что ты по ночам печатаешь. Ведь печатаешь?

Сталин: Да.

Реджеб: А когда ты их в ходпустишь?

Сталин: Что?

Реджеб: *Фальшивые деньги.* Наши старики долго ломали головы: что человек тайно печатает? Один старик, самый умный, догадался — *фальшивые деньги.* И мы смутились. Говорят хороший человек, но, понимаешь, мы ему деньги помогать печатать не можем. Мы это не понимаем. Меня послали к тебе. Говорят: узнай, зачем печатает? Что, он будет раздавать их народу? Когда будет раздавать? По сколько?

Сталин: Да, дела..., Коция!

Канделаки (входит): Что?

Сталин: При тебе есть хоть одна прокламация? /.../ Вот видишь: эти листки печатаем/.../ А деньги мы не печатаем. Это народу не может.

Реджеб: Ц — ц...фальшивые деньги...Ай, как неприятно!..

Теперь обратимся к свидетельству Вальтера Кривицкого, резидента советской разведки на Западе. В своей книге «Я был агентом Сталина», в главе четвертой «Как Сталин подделывал доллары», он сообщает:

«С 1928 по 32-й гг. у Москвы была острая нехватка иностранной валюты, как раз в эти годы земной шар оказался опутан густой сетью фальшивых долларовых банкнот Федеральной резервной системы США.

Пустил в обращение по всему миру, примерно 100 миллионов фальшивых долларов не кто иной, как Сталин.

Факт этот иллюстрирует /.../ его готовность прибегать, в момент кризиса, к методам прямой уголовщины.

Дело заключалось в том, что Сталин сам организовал сеть фабрикации долларов и сам руководил ею, что печатные устройства были упрятаны в глубочайших недрах ОГПУ. А распространителями фальшивок были специальные советские агенты.

Купюры печатались на специальной бумаге, привезенной из США, и были подделаны таким великолепным образом, что даже американские банковские эксперты принимали их за подлинные в течение многих лет после их первого появления.

Сталинские агенты работали совместно с преступным подпольным миром. Это установлено многими полицейскими расследованиями. Распространители действовали бескорыстно».

Приводится характерный диалог между самим Кривицким и генералом (в 30-е годы? — С. Б.) Таировым:

«Курьеры привозят то целые пачки пятисотдолларовых банкнот, другой раз поступают единые чеки на десятки тысяч долларов. /.../ Риск, связанный с объемом подобной наличности, сам по себе достаточно велик. А теперь Москва снабжает нас поддельными денежными знаками!» Таиров был смущён: — «Возможно вы правы в том, что касается Европы. Но, это дело предпринято, прежде всего, для Китая. Через него мы сбываем миллионы таких долларов, и там они нужны. За этим делом стоит Сам Хозяин».

Как же мог Булгаков решиться использовать в своей пьесе, слово в слово, фрагмент из сборника « Батумская демонстра-

ция 1902 года» под заголовком «Сталин и Хашим»? Ведь автор этой новеллы не был указан! Анонимное сочинение. Подобным правом обладала только передовица в «Правде», отражавшая взгляды самого Вождя. Любопытно и то, что очерк «Сталин и Хашим» появился в печати в Сухуми в 1934 году. И тоже анонимно. Равно, как и его переиздания 35 и 36 гг. в московских партийных издательствах.

Такой оплошности драматург Булгаков допустить не мог, если только не представить вероятность авторства самого М.А., или принадлежность его к созданию брошюры летом 1934 г. в Сухуми.

Пьеса была всесторонне исследована в статье М. С. Петровского «Дело о «Батуме». Вопросы поднятые в ней послужили импульсом для расширения поиска причин катастрофических последствий появления «Батума».

В любом случае, не привлекая внимания к фразе о Сталине, делателе фальшивых ассигнаций, пьесу отклонили. Дав по ней резко отрицательный отзыв. Вместо «Батума», в декабре 1939, будет поставлена пьеса «Путь к победе» А. Толстого (автора рецензии на пьесу Булгакова и его крайнего антагониста.

Разве не о нем сказано у Козьмы Пруткова?

«Люди, переменяющие свою веру не по убеждениям, а ради выгод, ожидаемых от такой перемены, подобны подделывателям фальшивых бумажек: „эти“ предпочитают бумажки высшего достоинства, „те“ — господствующую веру».

А из предложенных Маркизовым двух векторов силы, владеющей этим миром, подлинной всегда будет — литература. Вторая же — фальшива и несимпатична.

Это понял Николка Турбин в романе «Б. Гв.»: — «Может быть, деньги мешают быть симпатичными? Вот здесь, например, ни у кого нет денег, и все симпатичные!..